

О. Н. Толстихин

ЗАРИСОВКИ В ПРОЗЕ

Гора Ходар

Читая записки путешественников, проходивших долиной реки Лены, можно обнаружить, что одни и те же скалы показаны ими в совершенно разных красках и очертаниях. Многие здесь зависят от личного восприятия авторов. Вспомним «Купание красного коня» художника Петрова-Водкина, контрастно-яркие цвета картин Рериха, неброские цветовые гаммы Левитана. Своё, индивидуальное ощущение и воспроизводство цвета и формы отличает каждого истинного художника, делает неповторимыми его произведения. Однако есть ещё одно неадекватное восприятие цвета и характера береговых скал разными людьми. Прибрежные уступы ленских берегов, обрывы и скалистые мысы на склонах других речных долин, да и морских побережий, меняют

свои цвета и очертания в зависимости от времени дня, направления и яркости солнечных лучей, облачности, состояния водной поверхности, места наблюдателя по отношению к плоскостям, ограничивающим скальные выходы. На широтном отрезке средней части долины р. Лены, где проходит наш маршрут, в утренние и дневные часы скалистые уступы кажутся серыми, невзрачными, их контуры подчас сливаются с поверхностью одноцветных каменистых осыпей. Но зато во вторую половину дня, особенно под вечер, освещённые низким закатным солнцем те же самые скалы светлеют, розовеют, словно вырастают из своих отражений при спокойной ленской воде, вдруг оживая, когда её поверхность волнуется от лёгкого ветра, проходящих судов и лодок.

Вот таким ярким и многоцветным от лучей заходящего солнца, падавших на его склоны откуда-то с верховьев реки, просматривается горный массив Ходар в вечернюю пору. Заход солнца мгновенно изменяет этот праздник теплоты и света. Только что легкие, словно ажурные, скалистые выступы неожиданно мрачнеют, тяжелеют, насупленно затихают. Так бывает подчас, когда много лет не встречаешь человека; вдруг – с трудом узнаешь в постаревшем, согнутом годами и жизненными коллизиями весёлого заводилу студенческих лет и не знаешь как, с какими словами к нему подойти...

Замер горный массив Ходар,
Караулящий берег Лены,
Царство тёмных уснувших скал,
Фантастически обыкновенных.
Царство символов из камней,
Стройных сосен на горных кручах...
Он таким увиделся мне:
Первозданным, седым и могучим!

Мрачным и неприветливым восстает Ходар ранним утром. Но вот солнечные лучи снова коснулись горных склонов, разгладили морщины древнего, каменного его лица, вернули скалам неповторимое разноцветье.

ЗАРИСОВКИ В ПРОЗЕ

Давно уже принято подразделять природу на живую и косную, понимая под последней всё, что относится к каменной тверди Земли. Мы склонны забывать, что многие мёртвые камни некогда, в прошлом, были живыми организмами. Отмирая, скапливаясь на дне древних морей, погружаясь постепенно в земные недра, они дали начало многим прочным породам, которые образуют нынче горные хребты и массивы, обширные нагорья и плоскогорья. В том числе и скалы горы Ходар. Но к ним уже прилепились пятнами серые, красные, чёрные лишайники, а в трещинах горных пород утвердились березки и сосенки. Так снова продолжается некогда прерванная геологическими процессами линия жизни, и ничто в природе, устремлённой к ней, кроме человека, не может эту линию прервать. Парадоксально, что это может сделать именно человек, венец творения самой природы...

Если судно пристанет к берегу, стоит совершить восхождение на вершину горного массива. Я не беру слово восхождение в кавычки, хотя относительное превышение горного массива над уровнем воды невелико, подъём крут и небезопасен, а при желании на 50 – 80-метровых вертикальных стенках могли бы с успехом тренироваться и профессиональные скалолазы.

Скалы Ходара своими очертаниями напоминают силуэты каких-то древних разрушенных войнами и временем храмов. А на одном из вертикальных склонов глубокой расщелины отчётливо просматривается выступающая голова каменного медведя, раскрывшего свою пасть. Он словно предупреждает поднявшихся сюда людей, кто здесь хозяин. Крутые осыпи оснований сменяются тёмными расщелинами, разными по ширине. Отвесные обрывы высотой до 80 метров свидетельствуют о напряжённых тектонических процессах, приподнявших этот массив над ленской гладью. Зияющие трещины проникают вглубь и заканчиваются в темноте. А где-то не заканчиваются, а становятся пещерами, один из входов которой виден с реки. Компактный и бесконечно разнообразный в цветах и формах вершин и склонов Ходар даже среди множества неповторимых скальных массивов Ленской долины, заслуживает быть отмеченным особо. Он может стать местом экскурсий как природный, в первую очередь, геологический феномен, раскрывающий в каменных своих страницах далёкое прошлое этих мест. А в совершенных очертаниях склонов и вершин – непрерывную борьбу тектонических внутренних сил земли и внешних на неё воздействий – ветра, солнца и воды.

На Чаро-Токкинском междуречье

Э

ти строки написаны под впечатлением маршрутов, пройденных на территории водораздела рек Чары и Токко, на стыке Якутии, Иркутской и Читинской областей. В ту пору это был район геологоразведочных работ Чаро-Токкинской экспедиции. И всё здесь было обычно, как на всяких геологоразведочных работах. Крутились роторы станков, посылая в глубь земли буровые снаряды. Возле обшитых тёсом вышек в ящиках из свежеструганных лиственных досок накапливался керн – образцы горных пород, доставляемых на поверхность из буровой скважины. Над крышами балков, передвижных бревенчатых или щитовых домиков, установленных на полозьях, возле буровых, дымились трубы. Белизна снежного покрова разрывалась бороздами канав, пройденных «на взрыв», следами вездеходов и

высокопроходимых тягачей. В задачу нашего отряда входило изучение подземных вод на предмет оценки возможного их притока в будущие горные выработки, и потому маршруты наши были проложены преимущественно по долинам рек, где чаще всего появляются родники и можно выполнить исследования, позволяющие ответить на этот вопрос.

Мы осмотрели наледи в долинах рек Кебекте и Ималык – обширные бирюзово-голубые ледяные поля, уже напитанные вешней водой, а местами промытые водными потоками, обнажившими многометровые толщи полосчатого льда. Кое-где они смыкаются над каменистым руслом, образуя причудливые и небезопасные ледяные мостики, хрустально прозрачные и непрочные. Вокруг кебектинской наледи, совсем неподалеку от базового в ту пору посёлка Звёздного, перепархивали куропатки, почти незаметные на белом снежном фоне, но уже с чернеющими головами. А под склоном долины Ималыка из каменистых россыпей выбивались на поверхность мощные струи безукоризненно чистых подземных вод, журча сбивались в единое русло и устремлялись к реке. И в стужу, и в самые жаркие дни с завидным постоянством выбиваются на поверхность живительные родники, преодолевая на своем пути мощные толщи мерзлых горных пород. Всё это, вместе взятое, оставляло впечатление чистоты и нетронутости, некоей уравновешенности между действиями разведчиков и той природной обстановкой, в которой они начинали работать...

Вторично оказался я в этих местах весной следующего года. Снег, срывавший и украшавший землю, уже растаял, и вместе с ним исчезло ощущение девственной нетронутости этого места – земля являла уже историю ее освоения, непродолжительную по времени, но ощутимую по последствиям. Тундровые равнинные пространства перепахали стальные гусеницы тракторов и вездеходов, кое-где по этим путям заструились ручьи, возникли глубокие промоины. Зелёные пространства тайги пересекли просеки магистралей, визирки нивелировочных ходов. Но не неизбежные и оправданные последствия геологоразведочных работ вызывали беспокойство. Зеленый цвет кедрочей, освоивших горные склоны, местами сменялся коричневыми и черными пятнами свежих гарей. Сгоревшие кедровые стланики словно протягивают к небу обгоревшие ветки-руки в беспомощном угоре, и ты невольно испытываешь чувство почти физической боли, личной вины за случившееся. И неважно, что всё произошло без тебя и ты никак не мог повлиять на ход событий: кедрочей сожгли люди, ты тоже человек и, значит, в ответе за незрелые шишки, за улетевших кедрочей, за то, что никогда не придет сюда медведь полакомиться орехами в не урожайное на ягоды лето. Пройдут годы, и, может быть, наши дети, составляя новые карты, вместо веселых мохнатых кедрочей покажут на них незаросшие гари и помянут недобрым словом того, кто побывал в этих местах...

Один за другим сменялись маршрутные дни. В один из последних августовских попали мы в долину ручья Верхний Тарыннах. Само название ручья обещало нам встречу с наледями, но реальность превзошла все наши ожидания. Небольшая долина протяженностью не многим более 15 километров, образовала богатейший оазис на фоне горной тундры, редкостойных лиственничников да маревых урочищ. Высокоствольные лиственницы соседствовали здесь с необхватными тополями, плодоносящие кедровые высотой и стройностью соревновались с ивами-чозениями, елями и даже пихтами; веселенькие, почти российские берёзки высвечивались среди черных стволиков ольхи. Рядом с голубыми льдинками наледей распластались превосходные голубичники, брусничники, а из мохового покрова проглядывали подберёзовики.

Идя вниз по ручью, вспомнил я тальниковые леса Колымы и Индигирки, протягивающие узкими лентами долин рослые свои деревья к самому полярному кругу, а местами и перешагивающие его. И хотя эти леса, называемые ленточными, не столь богаты видовым своим составом (чозения, тополь, ольха, лиственница да заросли тальника), значение их для северной природы огромно. Они сохраняют воду в руслах рек, олень или сохатый в тяжелую пору всегда найдет здесь свежие побеги или нежную кору тальников.

Их мало, этих долинных лесов. Они достались нам из далекого прошлого и потому особенно неустойчивы к изменениям окружающей среды или, как принято теперь говорить, легко ранимы. И совершенно не способны к самовосстановлению. Это значит, что будучи уничтоженным, такой лес никогда не вырастет снова, да и никакой другой тоже. С уничтожением долинного леса начинается глубокое промерзание почв, изменяется водный режим рек, исчезают подземные ключи, в горных долинах усиливаются эрозионные

ЗАРИСОВКИ В ПРОЗЕ

процессы. Как сохранить эти контрастные ландшафты от исчезновения? Не может измеряться ценность таких лесов кубическими метрами деловой древесины, которой здесь совсем немного.

Ленточные леса Севера и долинные – горных районов Сибири – должны получить особую оценку. Они могут стать опорой рекреационной сети, национальных парков и других охраняемых территорий, служить местами отдыха. Грибы, ягоды, рыбалка, а кое-где и кедровые шишки – удовольствия на любой вкус. Не говоря уже о туристических впечатлениях – ведь по облику своему эти леса неповторимы. И может быть, настала пора уже сейчас, не откладывая на будущее, определить статус таких лесов, особые приёмы их освоения, составить кадастр, чтобы предотвратить любую возможность их потери...

Тихо. Ничто не шевельнется в послеполуденном мареве – только комары да мошки полётывают вокруг, но лениво и беззлобно. Не так, как на закате дня или перед худой погодой, когда от них одно спасение – накомарник. Но, видимо, так спокойны они лишь на открытом месте. А в кустах, на противоположном берегу, не выдержал комариных укусов олень, выбежал на просторную пойму Ималыка, повел во все стороны ноздрями, переключившись с боку на бок огромные рога, и большими скачками вымахнул на наледь, почти к нашим следам. Встал. Весь передернулся кожей, как умеют только олени. Снова понюхал всё вокруг и улегся на лед, блаженно вытянув шею. Олень – не человек. Мгновение – и нет усталости, и снова он на ногах, и вот уже умчался вверх по долине, не останавливаясь и не оглядываясь. Первый олень, которого я, встретил здесь на третий год полевых маршрутов. Мало стало зверя. А вечером из Торго пришел вездеход, и кто-то из приехавших похвастался, что в Торго появилось медвежье мясо – застрелили медведицу с двумя медвежатами. Потому как медвежат затрепали собаки, и все равно их надо было застрелить. Так была подведена невидимая черта впечатлений от встречи с оленем. Так снова, в который уже раз, возник передо мной вопрос, что же надо предпринять, чтобы встречи наши с оленями, медведями и другими обитателями тайги сибирской не становились почти всегда роковыми для таежных жителей?

В этой связи мне вспоминается лето 1952 года, когда наш небольшой съемочный отряд довольно долго стоял лагерем в долине речки Саван на юге Камчатского полуострова. Неподальку начинались заросли кедровых стлаников, очень густые и труднопроходимые. Едва мы натянули палатки и развели костер, из стлаников появилось семейство: два крошечных медвежонка и их мамаша. Рыча и поматывая головой, медведица издали разглядывала наш лагерь. Мы схватили карабины и ружья, но были остановлены геологом партии Ниной Калининской, категорически возразившей против убийства медвежьего семейства. Пришлось отказаться от медвежатины и, уходя из лагеря, оставлять в нём двоих дежурных. Они не раз оказывались свидетелями медвежьего воспитания. Любопытные малыши то и дело пытались убежать к нам. Бдительная медведица, получившая кличку Машка, выскакивала вслед за ними, грозно предупреждала нас рычаньем о неприкосновенности своих чад, а сама выдавала им такие могучие шлепки по известному месту, что неслухи кубарем откатывались назад, к спасительным зарослям кедрачей.

Мирное сосуществование? Чем не путь? Убеждён, что у медведей достанет разума «соблюдать дистанцию».

В низовьях Лены

Нижняя Лена. Откуда вести ей отсчет? Что принять за объективный критерий южной границы Нижней Лены? Может быть, остров Тас-Ары, самый верхний остров после мрачной Чекуровской Трубы, где Лена прорезает отроги Хараулахского хребта, отходящего на северо-запад от ленского побережья кряжем Чекановского?

Остров Тас-Ары во многом необычен. В отличие от большинства ленских островов, его основание – цоколь – сложен коренными породами различного состава и возраста, которые хорошо видны в невысоких береговых обнажениях. Сверху коренные породы перекрыты плащом суглинков, насыщенных подземными льдами, столь характерными

для обширных пространств приморских равнин. А на поверхности острова – тундровые равнинные ландшафты с озёрами, многолетними буграми пучения – булгуньями, проявлениями термокарста – процесса таяния многолетних подземных льдов.

Своеобразно расположение острова. Он находится как бы в месте соединения впадины, занятой руслом реки Лены и межгорной впадины, известной геологам как Кюндейский грабен – крупным протяжённым тектоническим опусканием земной коры. Кюндейская впадина протягивается почти параллельно реке Лене, отчленяя передовой хребет Туора-Сис от основного массива Хараулахских гор. По днищу её с юга на север протекает река Кюндей, а навстречу, с северного продолжения впадины, – река Бэдер. Устья этих рек сходятся как раз в районе острова Тас-Ары и образуют единую поверхность, отмеченную многочисленными озёрами, излучинами и старицами, проявлениями мерзлотных процессов, связанных, в первую очередь, с промерзанием или протаиванием грунтов и подземных льдов. Линзы подземных льдов местами заметны в бровках разрушающихся уступов.

Всё это удобно наблюдать со склонов южных отрогов невысокого хребта, известного у местных жителей под названием «Белая Скала», являющегося северным продолжением хребта Туора-Сис: хребет словно «разорван» здесь Кюндейской впадиной. Именно отсюда, от Белой Скалы, начинается горная часть Усть-Ленского государственного заповедника, здесь расположен самый южный его кордон.

Строения кордона размещаются на поверхности прилепившейся к склону горы ленской террасы, сливающейся с единой поверхностью древней аккумулятивной равнины острова Тас-Ары и Кюндейской впадины. Положение берега здесь таково, что весной во время ледохода в основании террасы и на обширной поверхности реки Лены скапливаются массы речного льда, образующего мощные торосы и сгребавшего подобно бульдозеру песчано-галечный материал отмели в протяжённую гряды, протягивающуюся вдоль береговой линии реки. В последующем часть песка из этой гряды выдувается и накапливается в форме небольших дюн, более тяжёлые галька и гравий остаются на месте, концентрируются на поверхности гряды. Постепенно накапливаясь, они бронируют её поверхность от дальнейшего раздувания и размывания.

Месторасположение кордона в ландшафтном отношении представляет собой своеобразный оазис, окружённый горной или равнинной тундрой. Здесь надёжно утвердили себя низкорослые кряжистые лиственницы, нередко обладающие «флаговыми» кронами – свидетелями постоянной борьбы с сильнейшими ветрами. Они соседствуют с кустарниками ольхи и ивы, уступая места открытым полянам с массой разнообразных цветов, практически одновременно распускающихся в положенные дни непродолжительно в Арктике вегетационного периода.

Тёмно-зелёные лиственницы, цветной ковёр на фоне белоснежных в солнечный день скал, сложенных древними карбонатными породами известняками и доломитами, обширная отмель, в тыловом краю которой «дотаивают» прикрытые песком льдины, нагромождённые друг на друга весенним ледоходом, оставляют сильное впечатление у каждого, кому повезёт здесь побывать в первой половине июля в погожий солнечный день.

Севернее, за основным руслом реки Лены, покоится второй крупный и печально знаменитый остров Тит-Ары, ограниченный с Запада Булкурской протокой. Остров этот на значительной площади сложен речными наносами Лены.

Если строго следовать определению, что есть дельта реки, а в географическом энциклопедическом словаре она определена как «...низменность в низовьях реки, сложенная главным образом речными наносами и прорезанная разветвлённой сетью рукавов и протоков», то дельту реки Лены следует «отсчитывать» именно от этого острова, а не от острова Столб, как это принято современными географами.

В известной книге А.Н. Колосова и С.Е. Мостахова «По реке Лене» в отношении острова Тит-Ары написано следующее: «Тит-Ары в переводе с якутского означает лиственничный остров. Это самое северное в мире место, где растёт даурская лиственница

ЗАРИСОВКИ В ПРОЗЕ

(надобно заметить, что лиственница встречается и чуть севернее, примерно в 15 км ниже острова Тит-Ары, в долине р. Чинки. – *О.Т.*). В начале 20-го столетия ботаник Каяндер впервые описал растительность острова. Он нашёл здесь деревья высотой 4 – 6 м, из которых образовался участок редкостойного леса. Таким он оставался до 1943 г., когда на остров пришли рыбопромысловики и из-за крайней нужды в топливе и строительных материалах лес был вырублен». К этому следует лишь добавить, что рыбопромысловиками были спецпереселенцы из Прибалтики, интернированные после её освобождения в ходе Отечественной войны. Высаженные поздней осенью на этот северный безлюдный остров и оставленные без каких-либо средств к существованию люди в большинстве своем погибли. И лишь немногие, оставшиеся в живых, отстроились и положили начало поселку Тит-Ары, ныне обозначенному на всех географических картах России. Хотя постоянно проживает на острове несколько семей и оживает он лишь в период путины и переработки рыбы в расположенном здесь цехе Быковского рыбозавода.

Булкурская протока, самая верхняя протока дельты реки Лены, заслуживает особого внимания. Отчленяющая с запада остров Тит-Ары от материка, она мелководна и не судоходна. Более того, в малую воду трудно плыть даже на моторной лодке. Примечательно то, что в Булкурскую протоку река Лена весенним паводком выносит массу битого льда, накопившегося в долине реки за долгую и холодную зиму. Лёд образует по берегам протоки многометровые торосы и нередко не успевает растаять в продолжении короткого лета. Случается так, что Булкурская протока оказывается полностью забита льдом. Она просто исчезает в ледяных берегах, совершенно неожиданных в жаркий летний день. Хотя слово «жаркий» здесь неприемлемо. Жарким он может быть на основном русле. А здесь, в царстве льда, постоянно прохладно, а то и просто холодно, а над водой нередко стелется плотный слой тумана, из которого могут неожиданно появляться плавающие льдины, подобно миниатюрным айсбергам. Холодная вода, холодные берега, глубоко промёрзшая земля, ледяные жилы, чуть заметные в темно-серых, почти черных суглинках на бровке высокой террасы, местами скалистые выступы горных пород, обрамлённые снежниками, – такова картина Булкурской протоки в середине лета. Запоминающаяся даже для тех, кто бывал «на Северах», кто с ними на ты.

Против острова Тит-Ары по правому берегу реки Лены протягивается другой карбонатный утёс, восходящий прямо из ленских вод, известный как Тит-Арынский мыс. Если внимательно посмотреть с реки, то здесь можно видеть активно протекающие карстовые процессы: промытые водой глубокие трещины в горных породах; небольшие гроты; зарождающиеся пещеры; крутые распадки, выложенные глыбовыми осыпями, протягивающимися вдоль склона между скалистыми, «отпрепарированными» дождями и ветрами останцами своеобразной причудливой формы. Омывая этот утес, река Лена нередко волнуется, штормит, волны разбиваются о скалы, порождая множество брызг, совсем как где-нибудь на морском берегу. Тит-Арынский мыс не одинок в своем горном возвышении над ленским простором.

Правый берег реки на всем отрезке от Белой Скалы до самой Быковской протоки являет собой крутой, местами обрывистый склон, расчленённый долинами небольших рек и ручьев. В береговых обрывах хорошо видны слои горных пород, различающиеся цветом и мощностью, местами словно разорванные и сдвинутые друг относительно друга великими внутренними силами Земли. Протянувшиеся на несколько десятков километров слои эти, словно раскрытая книга, писавшаяся природой многие сотни миллионов лет, давно привлекали внимание геологов. По ним читается история формирования здесь земной коры, история развития самой ленской долины. Неслучайно в дневниках известного полярного исследователя, геолога А.Л. Чекановского, именем которого и назван отходящий на северо-запад от Хара-Улаха кряж, есть такие записи, относящиеся к 1873 – 1875 гг.: «Ниже, на широте о-ва Тит-Ары, породы сильно дислоцированы (значит, наклонены, смяты в складки. – *О.Т.*), но своей крайней степенью дислоцированность достигает немного ниже этого острова. Здесь собранные в складки слои разбиты многочисленными сбросами, по которым происходили опускания... Это классическая страна для

изучения разнообразных типов сбросов, которые можно наблюдать...». К тому можно добавить, что и типов пород здесь встречается множество, и складки, образованные горными породами, тоже весьма разнообразны и не все поддаются расшифровыванию с позиций классической геологии.

Примечательно, что всё это можно наблюдать непосредственно с борта теплохода, который проходит здесь совсем недалеко от правого берега реки.

Но не только обнажения горных пород могут привлечь внимание путешественников. Именно на этом коротком отрезке ленского пути им придется распрощаться с остатками древесной растительности. Плотные куртины низкорослых лиственниц они видели поблизости от кордона на Белой скале. Низкорослое лиственничное редколесье можно было видеть на склонах Тит-Арынского мыса и прилегающих склонах берегового хребта, на острове Тит-Ары. И, наконец, тёмно-зелёные их кроны хорошо просматриваются на фоне светлых тонов ивовых кустарников и карликовых берёз в долине р. Чинки, в её широкой нижней части. Чуть выше по долине реки они исчезают, сменяются тундровыми мхами и лишайниками. Именно здесь, в долине р. Чинки, если подняться метров 800 от её устья, с правого склона долины можно видеть своеобразную микророщицу, в которой растут лиственницы, кустарники ольхи, берёзы и ивы, а также карликовые тундровые кустарнички берёзы и ивы. Необычно богатое содружество на самом краю возможного существования древесной растительности.

Всё это видно с борта теплохода. Видно и то, как куртины лесной, а затем и кустарниковой растительности прижимаются к долине реки Лены, несущей на Крайний Север не только массу воды и живительной органики, растворенных в воде питательных веществ, но и тепло, накопленное водой на обширной поверхности ленского водосбора.

Ниже долины реки Чинки лиственниц нет, но у бровки террас и скалистых обрывов ещё можно видеть кустарники ольхи, густые и цепкие, накрепко вросшие в мёрзлую землю склонов. Однако и они исчезают через несколько километров вниз по долине реки, полностью уступая место тундровым мхам и лишайникам, кустарничкам карликовой берёзки и ивы. И лишь местами на южных и сухих теплых склонах возникают цветные ковры низкорослого полярного багульника и множества других ярчайших цветов, чьё многокрасочное убранство поразительно резко контрастирует с буровато-зелёными тонами тундровых ландшафтов и преимущественно серыми, до чёрных, тёмными скалистыми обрывами.

Именно на этом ленском берегу А.С. Каширцевым, доцентом ЯГУ, был организован в 1957 году полигон учебной геологической практики, просуществовавший более 30 лет и закрытый в связи с тем, что территория полигона отошла в состав Усть-Ленского государственного заповедника. В память о палаточных студенческих лагерях, выращавших каждое лето в устье ручья Кубалах, сохранились три сэрге, вырезанные и установленные студентами, словно символизирующие собой Труд, Поиск, Познание – ведь именно здесь студенты постигали начало самостоятельного труда и поиска, учились читать «летопись каменных строк», приобретали навыки жизни в экспедиционных условиях. Неизгладимое впечатление оставляла расширяющаяся к дельте долина Лены – вольный простор, открывающийся между обрывистым правым берегом реки и отходящим на северо-запад, постепенно растворяющимся вдали Кряжем Чекановского...

Жители Якутии и многие туристы из далеких городов и стран, побывавшие на Лене, обычно посещают знаменитые Ленские Столбы, протянувшиеся вдоль правого берега реки, выше устья р. Ботомы. Сведения о них имеются в любом путеводителе по Лене, в каждом описании долины реки, в каждом фотоальбоме. А вот утёсы в низовьях Лены, в урочище Таба-Бастах, что в переводе с якутского означает голова оленя, простирающиеся севернее 72 широты, известны гораздо меньше, хотя в эмоциональном, научном и геологическом отношениях они не менее уникальны.

Более 320 млн. лет отделяет нас от того времени, когда на месте ныне глубоко промёрзших неподвижных скал штормило теплое, сравнительно неглубокое море, полное света и жизни. Его следы – колонии кораллов, одиночные кораллы и мшанки, морские

ЗАРИСОВКИ В ПРОЗЕ

лилии – криноидеи. Они во множестве видны на поверхности известняковых береговых обрывов, в нижней части оглаженных паводковыми водами реки, местами возвышающихся над уровнем воды в Лене на десятки метров в форме гладких или ступенчатых стен. Они нередко рассекаются вертикальными колодцами, вскрываются крутосклонными оврагами, днища которых покрыты глыбовыми осыпями. Нагромождённые друг на друга обломки горных пород на дне сходящихся книзу оврагов образуют своеобразные, сливающиеся каменные реки – их называют иногда каменными глетчерами, подчёркивая тем самым, что они, как и ледяные языки глетчеров горных стран, медленно ползут вниз по долинам распадков, питая каменным материалом береговую полосу прирусловых отмелей.

Наверху монолитные стены расчленяются на блоки, образующие крутосклонные пирамидальные башни, обелиски, стелы, арки. Бесконечное многообразие силуэтов рельефа, сформировавшегося на протяжении нескольких километров сравнительно узкой береговой полосы, поражает воображение, вызывает невольное восхищение и преклонение перед величайшим архитектором всех времен и широт, имя которому – Природа!

Происхождение необыкновенных скал Таба-Бастаха сложно. Их появлению способствовал мощный разлом земной коры, образовавший вертикальную плоскость, по которой западная часть породного массива опустилась, сформировав современную долину Лены.

Затем в строительство рельефа включился карстовый процесс. Талые, дождевые и подземные воды растворяли известняки, размывали уступ, проделывали в нем промоины, овраги, вертикальные колодцы и пещеры. Похолодание климата и становление мерзлоты затормозило эти процессы, пустоты и промоины внутри горных пород заполнились льдом. Его и сейчас можно видеть в глубине небольших пещер и по трещинам в стенках вертикальных колодцев.

Надо заметить, что колодцы – обычная форма рельефа карстовых массивов. Нередко они соединяют между собой различные этажи карстования, уходящие в недра на многие десятки и сотни метров. Однако редко когда удаётся видеть колодец в разрезе, как в уступах Таба-Бастахского массива.

Карстовому массиву в местности Таба-Бастах повезло – он оказался на территории Усть-Ленского государственного заповедника, и это надёжная гарантия того, что неповторимый ландшафт будет ограждён от уничтожения руками человека. Хотя на геологических картах он обозначен как месторождение известняков, перспективное для использования в качестве цементного сырья. А от природных сил разрушения его надёжно охраняет мерзлота.

В этой связи возникает такая мысль: ни на одной геологической карте, где непременно показаны месторождения полезных ископаемых или хотя бы их проявления, никогда не встречаются объекты, представляющие особое научное или культурное значение или способные оказать на человека определенное эмоциональное воздействие. Объекты, которые можно определить как геологические памятники природы. Даже опорные геологические разрезы, на основании которых сопоставляются по возрасту толщи горных пород в различных регионах Земли, не отмечаются как объекты особой значимости, требующие охраны в качестве памятников природы. Не предусматривается выявление таких объектов и при производстве практически всех видов изыскательских работ...

Вечер был ясным, тихим, необычным для этих мест. Низкое солнце высветило разлитым золотом речную гладь. Высоко приподнялся и почти не касается воды остров Столб – величественный останец, отторгнутый рекой от самого северного в этой части континента хребта Туора-Сис. Сложен остров Столб плитчатыми песчаниками девонского возраста. Внешне остров этот не похож на столб, а скорее, напоминает высокий массивный холм с довольно крутыми склонами и пологой вершиной. Сотрудник Геологического комитета С.Н. Пархоменко, обрабатывавший в Ленинграде материалы первой после революции гидрографической экспедиции к устьям рек Лены и Оленька, в 1920 – 1921 годах, объяснял название острова тем, что на нём стоит шаманский каменный знак в виде стол-

ба. Он ссылался на «Сибирский Вестник» 1818 года издания, поместивший на своих страницах легенду о происхождении этого знака:

«Сей столб поставлен на утёсистой скале при самом впадении реки Лены в Ледовитое море. Бока его имеют ширины 1 арш. 2 верш., обращены к четырем странам света. Он складен из плит, взятых в окрестностях его. Высота столба простирается до трех аршин». «Жители тамошнего края утверждают, что на сей скале было древнее шаманское жилище и что столб складен также неким шаманом над погребенною под ним дочерью, убитою неприятелями во время войны. Отец её, находясь вместе с нею и 70 человеками своих единоверцев, в сражении со многим числом иноплеменных народов ламутов или юкагиров, пришедших с устья реки Яны, был побеждён и некоторые из людей его побиты, другие спасались бегством. В числе последних был также сей шаман со своей дочерью шаманкой. Неприятели, видя их поражение и бегство и догнав шамана, плившего на ветке (маленькой берестяной или деревянной лодке. – **О. Т.**), застрелили дочь его, которую он после этого внес на верх скалы и разбросав плитняк, похоронил: над телом же её выклял в воспоминание того сей каменный столб».

Если вам доведётся побывать на Нижней Лене и забраться на остров Столб, а сделать это вовсе не трудно, вы действительно обнаружите на его вершине небольшую каменную пирамидку, сложенную из плит песчаника и напоминающую топографический знак. Рядом установлено сэрге. Здесь же «музей» предметов, оставленных посетителями. Таков обычай. Чего только в этом музее под открытым небом нет: монеты, всевозможные авторучки и карандаши, гильзы и патроны. Кто что имеет, то и оставляет, отдавая дань старой традиции или суеверию: если что-то оставишь – вернешься ещё раз. Значит, ещё раз перед тобой откроется захватывающий вид южной части дельты Лены, уходящие на север, восток и запад её острова и протоки. Кажется, совсем рядом высится крест-памятник, поставленный на месте гибели американского исследователя Арктики Джорджа Де-Лонга и членов экипажа исследовательской яхты «Жанетта», раздавленной льдами летом 1881 года.

Спустившись от острова Столб вниз по Большой Туматской протоке, можно выйти к крутому высокому берегу и подняться по склону к памятнику, сделать запись в дневнике, что хранится в срубке, где некогда были захоронены останки членов экспедиции, взглянуть на макет яхты, установленной здесь на обелиске, представить себе, как всё это было, что стоило людям Земли изучение и покорение Арктики, морей Северного Ледовитого океана.

От острова Столб на восток отворачивает основная протока дельты – Быковская, на запад – Оленекская. А между ними, веером, обращенным к северу, раскинулись бесчисленные большие и маленькие протоки и проточки, отчленяющие множество островов.

Дельта Лены изучена довольно обстоятельно гидрогеологами, геологами, мерзлотоведами и, конечно, биологами. Из этих исследований вытекает, что значительная часть островов, расположенных на территории дельты, по своей природе не является аккумулятивными островами реки Лены, а составляет расчленённые её протоками фрагменты древней приморской равнины. Достаточно взглянуть на топографическую карту любого масштаба, аэро- или космofотоснимок, чтобы усмотреть огромную разницу в контурах и строении поверхности островов восточной и западной половины дельты, хотя и там, и здесь есть острова и «дельтовые», и «останцовые».

Некоторые острова, полностью или частично относящиеся к расчленённой Леной приморской равнине, мы уже миновали – это острова Тас-Ары и Тит-Ары. Миновали мы и типичные аккумулятивные острова – песчаный остров Соболев, что продолжается к северу от о. Тит-Ары. Если продолжить маршрут по Оленекской протоке, в бровке уступа правого её берега, сложенного тёмно-серыми, почти чёрными суглинками, можно увидеть клинья подземных льдов, характерных для грунтов приморских равнин на всём их обширном протяжении от Западной Сибири до Чукотки. Здесь мы снова встречаемся с островами – фрагментами древней приморской равнины, известной в широкой географической литературе, как «едома». Из словаря народных географических терминов Э.М. Мурзаева

ЗАРИСОВКИ В ПРОЗЕ

можно вычитать, что это название, закреплённое за основным геоморфологическим уровнем, принимается и для северных равнин иных регионов России.

Спускаясь по Быковской протоке, с правого борта теплохода можно наблюдать чередование высоких уступов коренного берега с низкими аккумулятивными берегами. Маршрут может быть закончен в местности Эбэллээх-Дьиэтэ, где ныне строится базовый центр Усть-Ленского государственного заповедника, с посещением озера Эбэлээх-Кюелэ и подъемом на вершину одноименной возвышенности, откуда открывается вид на восточную часть дельты и отроги Приморского хребта.

Берега, острова, утёсы, береговые отмели и нагромождения битого льда... Стоит ли копить и тратить средства, чтобы увидеть столь прозаические вещи? Что ответить, если у читателя предыдущих страниц возникает такая мысль? Ваше решение во многом должно определиться индивидуальным восприятием природных феноменов. Ленский север в этом плане – не исключение. Хотя широта пространства, контрасты красок света и тени, температур, погодных условий и состояния атмосферы, пастельные тона белых ночей никого не могут оставить равнодушным. И если человек, побывавший на Севере, не возвращается сюда ещё и ещё раз, то значит, нет у него такой возможности либо средств, либо не позволяет здоровье.

Наблюдая за островом Столб с некоторого расстояния с воды или поверхности береговых уступов, в разные дни и в разных погодных условиях, можно видеть постоянное изменение его высоты и очертания. Он то возвышается над водой в форме несколько округленной усеченной пирамиды, упираясь в водную поверхность реки всем своим основанием, то словно всплывает над поверхностью Лены, соединяясь с ней только центральной своей частью. И тогда он принимает форму асимметричного диска, с более уплощенной нижней и выпуклой верхней поверхностью. Если в такую пору мимо острова проходит судно с низкими темными бортами, они не просматриваются, и видна только белая его надстройка. На тёмном фоне острова она образует квадратное окно, словно прорубленное насквозь в скалистом его массиве. Это окно медленно движется на фоне острова, пока эффект не исчезнет с приближением судна к наблюдателю или, наоборот, удалением его от острова.

Эти изменения очертаний острова Столб, и не только его, вызваны оптическими эффектами, нередко называемыми миражами. Они могут иметь различную природу. Однако на Нижней Лене они возникают в результате соприкосновения относительно холодных масс воздуха с теплой поверхностью приходящей с юга ленской воды. При очень резких понижениях температуры воздушных масс эта разница проявляется в образовании над поверхностью воды клочьев тумана, непрерывно уносящихся ветром и вновь возникающих. А вот когда эта разница не столь велика, поток восходящего теплого воздуха образует над поверхностью воды слой, обладающий иными оптическими свойствами, нежели основная воздушная масса и тогда... Берег как бы исчезает из вида, отодвигается куда-то вдаль, а стоящая на нем ярко-красная рыбацья юрта, резко увеличиваясь в высоту, превращается в наполненный ветром алый парус, взметнувшийся над водной гладью реки. Совсем как гриновский алый парус, принесший счастье одинокой Ассоль.

В лесу

Мы возвращались долиной р. Верхний Тараннах, сбегаящей с крутого северного склона Алданского нагорья в широкую долину реки Торго. Позади, в истоках, остались крутые обрывы и каменистые россыпи, местами поросшие яркими желтыми рододендронами, мощная наледь, разрезанная водным потоком на две неравные по размерам слоисто-голубые ледяные глыбы. Впереди, на расширяющемся дне долины, начинался лес.

Люди, даже убеждённые горожане, немало времени проводят в лесах. Одни предпочитают светлые берёзовые колки, другие – сосновые боры на сухих песчаных почвах или еловые зелёномошники, тёмные, таинственные и немного сказочные в сумеречные и утренние часы.

Лес, в который втянулся наш небольшой отряд, поразил разнообразием деревьев и кустарников. Тоненькие, невысокие берёзки соседствовали с сибирскими кедрами, стволы которых мощными колоннами терялись где-то вверху, в густой темноте крон. Тополя (вдвоем не обхватишь ствол) перемежались с такими же ивами, ветки которых разбежались вверх и в стороны: необычные ивы с необычным и звонким названием «чозения». Сосны соревновались в стройности с пихтами, а самые густые куртины образовывали бородачатые от лишайников ели и лиственницы. Во втором ярусе, ближе к склонам долины, распластались кедровые стланики, возле самого русла реки густо разрослись ивняки, а между ними на сравнительно ровной поверхности террасы расположились высокие кусты черной ольхи и кустарники полярной берёзки. На почве солнечные блики высвечивали шляпки грибов, зрелую, подёрнутую белесой дымкой голубику, чуть краснеющую бруснику и множество всяких трав и кустарников, цветущих и плодоносящих.

Лес жил: шорохами листьев, лёгким поскрипыванием трущихся при порывах ветра ветвей, резкими криками кедровки, цветами и созревающими плодами, бесчисленными насекомыми, звенящими вокруг, запахами, настоящими на прелых листьях, хвое, брызгах прозрачных речных вод, прохладе ледяных полей наледей и чистоте почти нетронутой человеком природы. Лес жил уже многие тысячи лет: такие долинные субальпийские леса остались от сравнительно тёплых межледниковых эпох. И казалось, что лес вечен, и ничто не угрожает ему.

Ничто, кроме человека. Человек может срубить деревья, чтобы построить балок, или заготовить дрова на долгую якутскую зиму, прорубить просеку для строительства дороги, линии электропередачи, расчистить площадку для какого-либо строительства. Лес может измениться не только от такого вмешательства, подчас необходимого и неизбежного, но и от непогащенного по небрежности костра, нарушения режима влаги в почвенном горизонте, постройки завода, выдыхающего пыль и вредные аэрозоли из высоких труб на нежные листья и хвою деревьев. Лес может стать жертвой нерадивого пастуха, запустившего в него стадо животных, ломающих подрост и вытаптывающих лесную подстилку.

Лес ещё живёт, но опытный глаз специалиста видит усохшие кроны отдельных сосен, берёзки, преждевременно сбросившие листву, угнетённый изреженный подрост и многие другие, не сразу заметные признаки болезни, нередко свидетельствующие об угрозе его существования.

Малыш

Малыш шагает по дорожке парка. Дорожка асфальтовая. Топ-топ – отстукивают маленькие ножки в красных кожаных ботиночках. И вдруг – ножки остановились: дорожку переползал жук. Не очень большой, с яркой зеленой спинкой.

Малыш дождался, когда жук подполз совсем близко, поднял ножку и топнул, стараясь жучка придавить. Жук успел миновать опасное место, но от стука маленькой ножки остановился, поводя усиками-антеннами.

Мама сделала вид, что не заметила агрессивной попытки мальчика раздавить жука. «Сынок, смотри, какой жучок переползает дорожку. На асфальте он такой беззащитный, каждый может нечаянно на него наступить и раздавить. Давай перенесём жучка на травку, там он найдёт свой домик и своих жучат». Малыш нагнулся, поднял двумя пальчиками жука, протопал к краю дорожки и выбросил его на траву. Жук зацепился за травинку, благодарно шевельнул усиками-антеннами и исчез в старых листьях. А малыш улыбнулся широко и открыто. И кто знает, может, как раз в этот миг в нем зародилось чувство доброты и ответственности сильного человека перед меньшими своими братьями...